

Л. Г. ГРИГОРЯН

К ВОПРОСУ О МНОГООБРАЗИИ ЭСТЕТИЧЕСКИХ ФОРМ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

Сущность эстетического проявляется через многообразие эстетических форм действительности. Поэтому вместе с определением эстетического необходимо объяснить и это многообразие.

Сторонники теории общественного происхождения эстетического уже много писали о сущности эстетического, о его выражении в действительности, особенно в области природы¹ и т. д. В настоящей статье делается попытка найти источники многообразия эстетических форм и дать наиболее общую их классификацию, исходя из общего взгляда на эстетическое как на сущность человека, воплощаемую во внешние предметы и явления действительности в процессе общественной деятельности, в основе которой лежит трудовая деятельность.

Начнем с того, как человеческая сущность (или, коротко, субстанциональное²) претворяется в разные формы действительности.

Но, прежде всего, что такое человеческая сущность? Определений на этот счет было много: «...человек — это животное говорящее, ... мыслящее, ... политическое, ... нравственное...» и т. д., и т. д. В «Немецкой идеологии» Маркс и Энгельс писали: «Людей можно отличить от животных по сознанию, по религии — вообще по чему угодно. Сама они начинают себя отличать от животных, как только начинают производить необходимые им средства к жизни»³. В дальнейшем это было уточнено: «...Употребление и создание средств труда, хотя и свойственны в зародышевой форме некоторым видам животных, составляют специфическую характерную черту человеческого процесса труда, потому Франклин определил человека как животное, делающее орудие труда»⁴.

Так как сама орудийная деятельность могла возникнуть и сохраниться как человеческая деятельность лишь в обществе и через общество, то в конечном счете за исходное положение в определении сущно-

¹ См. Ванслов В., Проблема прекрасного, М., 1957; Гольденрихт С., Об эстетическом освоении действительности, М., 1959; Соловьев Л., Эстетическое в действительности и в искусстве, М., 1959 и др.

² Понятие субстанциональное, возможно, ассоциирует с метафизическими или идеалистическими представлениями о неподвижной или независимой от предметности сущности вещей. Но, вместе с тем, понятия даются историей философии и удобны тем, что за время своего употребления становятся достаточно гибкими, чтобы вместить новое содержание.

³ Маркс и Энгельс, Соч., т. 3, стр. 19.

⁴ Там же, т. 23, стр. 188.

сти человека мы берем его общественную природу и способность к орудийной деятельности.

Естественно, что и проявляется эта сущность прежде всего там, где она возникает — в процессе труда. С этой точки зрения, продукты труда являются осуществлением сущностных сил человека и общество может видеть себя в них как в зеркале: «История промышленности является раскрытой книгой человеческих сущностных сил, чувственно представшей перед нами человеческой психологией»⁵.

Предметы приобретают общественное значение непосредственно через компоненты процесса труда: 1) целесообразную деятельность — «собственно труд» (Маркс), состоящую из цели (= потребность + план) и работы (=затрата нервной и мускульной энергии); 2) средств труда и 3) предмета труда (материал). Каждый из этих компонентов общественно обусловлен (в потребности, в выборе материала, в умении обращаться со средствами труда и в уровне мастерства) и связан с другим (так, собственно труд определяется средствами и материалом, средства — работой и материалом, материал — работой и средствами). Поэтому каждый из компонентов является в процессе труда проводником содержания другого компонента и передает это содержание в продукт труда, который в конце концов сосредоточивает в себе все возможности орудийной деятельности общества, заключенные в компонентах. Поскольку все это одновременно относится к выражению субстанциональных (сущностных) способностей человека, постольку продукт труда является также их чувственной реализацией (опредмечиванием).

Из всего предыдущего следует вывод: 1. Действительность становится эстетической в процессе целесообразной деятельности, когда сущность человека объективизируется во внешних вещах, которые в силу этого становятся выражением внутренних творческих возможностей человека⁶.

Рассмотрим как именно продукт труда содержит в себе субстанциональное.

Прежде всего продукт труда есть предмет природы, приспособленный к удовлетворению потребностей людей. Как вещество, как материальное тело, вне и независимо от своего общественного употребления, предмет труда является просто соединением физических и химических качеств, т. е. предметом природы. В результате воздействия человека на предмет природы в нем изменяется только форма: «Само собой понятно, что человек своей деятельностью изменяет формы веществ природы в полезном для него направлении. Форма дерева изменяется, например,

5. К. Маркс. Ранние произведения. М., 1956, стр. 594.

6. Хотя здесь и везде мы имеем в виду простой производительный труд, но с некоторыми поправками весь ход рассуждений можно отнести и к другим видам труда — теоретической или общественной деятельности, т. к. при всех случаях они связаны с предметной деятельностью.

когда из него делают стол. И, тем не менее, стол остается деревом — обывденной, чувственно воспринимаемой вещью»⁷.

Это, конечно, не значит, что до процесса труда вещь в своем естественном виде не обладала формой или что каждое внешнее на нее воздействие, под влиянием которого она изменяет форму, принадлежит человеку. Нет. Речь идет только о целенаправленно измененной форме, в которой и надо искать то качество, которое приобрел предмет в процессе труда — свое общественное содержание.

Отсюда вывод: 2. Субстанциональная деятельность человека проявляется в изменении формы предметов природы.

Однако вне общества это содержание не может проявиться не только потому, что это не имело бы смысла, но прежде всего потому, что для него нужна специальная человеческая способность восприятия. Это относится не только к восприятию сущности человека в вещах, но и к любому узнаванию вещей в их общественном назначении, т. е. прежде всего в целевом⁸. Причем важно не только то, что вне общества не может быть узнавания (общественного содержания продукта труда), но и само узнавание (распредмечивание) есть необходимый момент существования предмета как продукта труда, т. к. без такого узнавания реализация целевого назначения не может состояться. Значит сознательная деятельность есть неперемное условие и для проявления человеческой сущности в предметах. И это еще не все: сознательная деятельность сама входит в эту сущность, т. к. содержится уже в целевой деятельности, именно потому она может в дальнейшем участвовать в проявлении этой сущности (в узнавании). Потому же деятельность сознания есть акт самопознания.

Вывод: 3. Деятельность сознания — узнавание субстанционального содержания предметов и явлений действительности — является необходимой стороной в образовании эстетического. Причем выделение эстетического сознанием проявляет одновременно и меру способности сознания к этому выделению.

Что же из себя представляют предметы, входящие в сферу практической деятельности и подлежащие (при определенных условиях)⁹ эстетическому сознанию? По-видимому, это предметы природы по мере их освоения или преобразования. В каждое настоящее время мы имеем «кусочки» преобразованной природы в виде продуктов труда. Это легко до-

⁷ К. Маркс, Соч., т. 23, стр. 81. О формообразующей деятельности человека подробно см. в книге Товмасыана С. С. «Труд и техника», Ереван, 1965.

⁸ «Человек не теряет себя в предмете лишь в том случае, если этот предмет становится для него человеческим предметом или определенным человеком. Это возможно лишь тогда, когда этот предмет становится для него общественным предметом, сам он становится для себя общественным существом, а общество становится для него сущностью в данном предмете». (Маркс, Ранние произведения, стр. 593).

⁹ Мы здесь не можем остановиться на рассмотрении исторической и реальной необходимости, условиях и процессе выделения эстетического, т. к. это тема отдельной статьи.

казывается той областью производственной деятельности, где можно непосредственно наблюдать изменение форм предметов и очень трудно понять на примере тех предметов, которые, на первый взгляд, косвенно или даже вовсе не участвуют в производственном преобразовании. Например, когда из дерева делают стол, то это явно искусственная вещь и сомневаться в том, что это продукт труда не приходится. Другое дело, если дерево не меняет видимым образом свою форму, когда его выращивают для получения полезных плодов, или когда не выращивая только пользуются его плодами или просто тенью; или пилят на дрова; или делают из него указательный знак на дороге и т. д. и т. п. до бесконечности; может даже случиться, что данное дерево так никогда и не попадет в сферу практической деятельности человека и даже как вид останется ему неизвестным. Во всех этих случаях дерево не меняется в своей естественной форме. Тогда на каком основании можно говорить об его эстетическом содержании?

Тем не менее, во всех этих случаях речь идет только о мере освоения, мере вхождения данного дерева в человеческую практику. Неважно, что предмет использован в одном качестве и не использован в другом — при всех случаях это один предмет. Неважно, что именно это дерево, а не то. Кроме того, в эстетическое восприятие дерева органически входит и восприятие всех искусственных вещей, производство которых так или иначе связано с деревом, и даже в том случае, когда данное дерево как вид вообще неизвестно человеку, даже тогда оно не чуждо человеческой практике, т. к. принадлежит к классу или, в конце концов, к миру живой природы, который вообще участвует в этой практике. Правда, каждый предмет имеет свои индивидуальные отличия, но именно потому в своем эстетическом качестве предметы могут быть разными.

«Промышленность является действительным историческим отношением природы, а следовательно, и естествознания к человеку. Поэтому, если ее рассматривать как экзотерическое раскрытие человеческих сущностных сил, то понятна станет и человеческая сущность природы, или природная сущность человека»¹⁰.

Однако нам известно, что существующая природа шире, чем используемая нами. Так оно и есть. И тогда: или к этой неизвестной нам природе нет никакого, в том числе и эстетического отношения, или оно есть косвенно, через другие предметы — в общем потоке восприятия действительности.

Предметов природы, которые охватываются практикой не прямым преобразованием, а в комплексе, так сказать, с другими предметами, очень много. Например: солнце, луна, звезды, планеты, горные вершины и т. д. Преобразовать их в прямом смысле человек пока не в силах. Тем не менее, они входят в систему практического освоения действитель-

¹⁰ К. Маркс. Ранние произведения, стр. 595.

пости. «...Всеобщие формы, закономерность природной материальной действительности, проступают, а потому и осознаются именно в той мере, в какой этот материал уже реально превращен в строительный материал «неорганического тела человека», «предметного тела» цивилизации, и потому всеобщие формы «вещей в себе» выступают для человека непосредственно как «активные формы» функционирования этого «неорганического тела человека»¹¹.

К этому добавим, что предметы своим эстетическим содержанием обязаны самым различным обстоятельствам, начиная с исторически накопленного значения и кончая случайным субъективным интересом.

Итак, предметы и явления действительности различным образом участвуют в практике и, значит, обладают разным субстанциональным содержанием, которое различно сказывается в измененной форме предмета. И в каком бы виде предмет не предстал перед восприятием, его форма всегда несет на себе груз разных отношений, вытекающих из участия предмета в производственной практике всего данного общества или даже данного времени плюс исторически накопленный опыт, выраженный в сознании иногда в форме традиций или даже в языке.

Из всего предыдущего можно сделать по крайней мере два вывода; вывод: 4. Эстетическая форма это такое изменение реальной формы, которое обнаруживает общественное содержание предметов или явлений действительности, именно, их субстанциональное содержание; вывод: 5. Многообразие эстетических форм предметов и явлений действительности обусловлено разнообразием их участия в общественной практике.

Выше уже было сказано, что видимой стороной общественного содержания предмета является его форма, точнее, измененная форма. Следовательно, как раз в этом и заключается необходимость и значение формы. Дело в том, что субстанциональное содержание предмета, которое он приобретает в процессе труда, — это только одна сторона в образовании эстетического — его объективная сторона. Второй — субъективной стороной является восприятие этого содержания. По внешней форме восприятие должно «восстановить» для себя эстетическое содержание предмета. Только тогда, строго говоря, можно говорить об эстетическом¹². В этом суть эстетического видения. Имея дело с формой предмета, восприятие ищет в ее изменении содержание, соответствующее его собственному изменению в процессе труда.

Эстетическое восприятие должно начинать с различения реальной и эстетической форм. Конечно, эстетическая форма опирается в большей

¹¹ «Философская энциклопедия», т. 2, стр. 220.

В связи с этим интересно свидетельство Леви-Брюля: «... (Для) первобытного человека, который принадлежит к тотемному обществу, всякое животное, всякое растение, всякий объект, хотя бы такой, как звезды, солнце и луна, представляют собой часть тотема, класса или подкласса». («Первобытное мышление», М., 1930, стр. 21).

¹² За недостатком места ни механизм эстетического восприятия, ни особая роль эмоции в образовании эстетического в статье затронуты не будут.

или меньшей степени на реальную форму, поскольку эстетическая форма есть изменение реальной формы, но именно потому же она отличается от реальной формы. Нельзя ни абсолютизировать, ни недооценивать ни их связи, ни их различия.

Однако именно в этом пункте начинаются истинные испытания для эстетического восприятия: перед ним предстанут предметы с различным субстанциональным содержанием и, соответственно, с различной мерой его проявления — от едва видимой до резко выраженной. И вот, по мере и своеобразию проявления этого содержания всю действительность можно разделить на три крупнейшие области — природы, искусственных вещей и общественной жизни.

Особенную трудность для эстетического восприятия представляют реальные формы области природы: в них почти невозможно распознать изменения, свидетельствующие о воздействии на предмет человека, что необходимо для того, чтобы восприятие могло увидеть компоненты процесса труда и признать скрытую в них субстанциональность.

В самом деле, ведь в предметах природы изменение происходит внутри реальной или, точнее, естественной формы¹³, поэтому здесь нет видимого изменения и кажется, что нет также цели и средств, т. е. компонентов процесса труда, а значит, и ничего человеческого. И вот тогда на помощь эстетическому восприятию приходят производственные формы. Происходит это следующим образом.

Природным формам присущ определенный порядок во времени и в пространстве — это то, что называется симметрией, гармонией, соразмерностью, ритмом и т. д. в паре с их противоположностью — асимметрией, дисгармонией, несоразмерностью, аритмией и т. д. Так как целесообразная деятельность человека проявляется в тех же формах, которые свойственны природе, потому что здесь материал один и тот же¹⁴ (и потому между приспособлением в природе и целесообразностью в человеческой деятельности имеется определенное формальное сходство), то, выделяя в искусственных вещах и их формах общую закономерность, люди в процессе деятельности научаются подмечать ее и в природных формах. За элементами варьирующих форм закрепляются определенные ассоциации; в дальнейшем эти формы становятся опорными пунктами эстетического восприятия. Оно их ищет и узнает в любых сочетаниях, из них исходит, на них останавливается. Элементы формы становятся чем-то вроде проторенных путей, по которым сначала узнаются компоненты процесса труда, а потом и их субстанциональное содержание. Так элементы формы, которые познаются в процессе труда, постепенно становятся постоянными спутниками эстетической формы; эстетическое восприятие их узнает и ищет в природе сознательно или бессознательно. И по-

¹³ Реальные формы в области природы нами обозначаются как «естественные», т. к. они не выражают целенаправленного воздействия и кажутся первозданными.

¹⁴ «Человек в процессе производства может действовать лишь так, как действует сама природа, т. е. может изменять лишь формы вещей», К. М а р к с, Соч., т. 23, стр. 52.

тому, когда закрепленные за этими элементами форм ассоциации нарушаются их непривычным применением или по какой-либо причине их трудно уловить в очередном варианте, восприятие попадает в затруднительное положение и образование эстетического может задержаться.

Так как элементы формы имеют общее значение для всех форм — и искусственных и природных, они могут быть выделены и произвольно направлены на любую вещь (форму). Являясь как бы в отрыве от непосредственных компонентов и вещей, элементы форм кажутся независимыми от них. Это усугубляется действием эстетического вкуса, как постоянной способности человека к восприятию эстетического: всеобщие элементы формы становятся его необходимой принадлежностью, а с возникновением и развитием искусства самостоятельность форм достигает крайнего выражения и значения. Этим и объясняется то, почему многие эстетики (и художники) видят в них реальных носителей прекрасного.

Итак, всеобщие элементы формы становятся эстетическими не столько потому, что они принадлежат природным формам, сколько потому, что, «входя» в предмет труда и становясь элементами искусственной формы, они явно совпадают с целесообразной формой, той, за которой скрывается сущность человека, и потому они открываются и выделяются человеческим познанием как эстетические формы. «...Симметрия сама по себе еще не дает эстетического впечатления. Она возникает только в связи с целесообразностью, сложным преодолением, принявшим симметрическое (ритмическое) обличье»¹⁵.

Таким образом, трудность эстетического восприятия в области природных форм, изменение которых происходит внутри естественных форм, когда нет видимого сравнения и кажется, что нет цели, средств, т. е. компонентов процесса труда и, следовательно, субстанционального содержания — эту трудность можно преодолеть с помощью сведения естественной формы к элементам формы, за которыми закреплены известные ассоциации.

Однако такое сведение не может полностью удовлетворить эстетическое сознание, так как оно достигается за счет крайней утраты естественной формы и крайнего ее обобществления. Эстетическое восприятие прибегает и к другим способам различения эстетического содержания в естественной форме. Один из них заключается в подражании естественной форме с некоторыми преувеличениями, искажениями и т. д., другой — в сведении форм области природы с формами области общественной жизни, т. е., например, придания тем или другим предметам природы отдельных человеческих черт характера, внешности, действий. В этих случаях может быть так, что вся естественная форма входит в эстетическое восприятие и затем оседает в эстетическом вкусе как его более или менее постоянный образ.

¹⁵ Волькенштейн, Опыт современной эстетики, М.—Л., 1931, стр. 30.

Итак, за естественной формой скрывается очень сложная эстетическая форма, являющаяся результатом сравнения, сопоставления, заинтересованности, внимания, воспоминания и т. д. Но при всех случаях естественная форма становится эстетической, когда она приобретает общественную значимость, т. е. когда в ней, грубо говоря, узнается процесс труда. Узнается же потому, что воздействие человека на естественную форму сохраняется в результате воздействия, хотя и не как нечто постороннее, а в слиянии, в единстве с естественной. Так было всегда. Прежде чем бизон был воспринят эстетически, он должен был быть продуктом труда. «Отношение к предметам с точки зрения утилитарности предшествует отношению к ним с точки зрения эстетической» (Плеханов). В меру этого эстетическое содержание предметов, в том числе и природных форм, соответствует исторической практике данного народа. Это видно на материале искусства. В этом тоже одна из причин разнообразия эстетического (и его форм): один и тот же предмет является различным образом в эстетическом восприятии.

Вывод: 6. Восприятие для выделения субстанционального содержания в области природных форм вынуждено прибегнуть или к области искусственных форм (всеобщие элементы форм), или к области форм общественной жизни (аллегория, символика, метафора и т. д.), или к гипертрофии естественной формы (деформации), или, наконец, к прямым подражаниям естественной форме, поскольку она выделилась и сохранилась (в эстетическом вкусе) как эстетически значимая благодаря всем предыдущим средствам.

Перейдем к эстетическим формам в области искусственных вещей. То, что в этой области восприятие легче распознает эстетическое содержание, чем в области природы, еще не означает, что здесь эстетическое восприятие не сталкивается с трудностями при выделении эстетического содержания. Конечно, в искусственных вещах сравнительно легко узнать их целевое назначение, но это еще не значит узнать их эстетическое содержание, хотя первое — основа последнего. Для того, чтобы обнаружить эстетическое в области искусственных (или производственных) вещей и их форм, необходимо пройти дальше их утилитарного значения. Последнее препятствует образованию эстетического, т. к. ограничивая восприятие предмета только одним компонентом процесса труда — потребности, не дает раскрыться остальным — плану, работы, средства, материала, тем, в которых в большей мере отражаются творческие возможности человека, являющиеся основой эстетического видения.

Вместе с тем нельзя игнорировать и утилитарность предмета, иначе вещь потеряет свою особенность и эстетическое перестанет быть принадлежностью именно утилитарной вещи, но приобретя самоцельность, превратит ее в предмет искусства.

По-видимому, в идеальной эстетической форме утилитарное и эстетическое должны сочетаться так, чтобы утилитарное, не утрачивая своей значимости, вышло бы за свои пределы и расширилось до эстетического.

которое, со своей стороны, могло бы проявиться, не ущемляя значения утилитарного. Одним словом, эстетическое восприятие области искусственных вещей должно приспособиться к их утилитарности.

В этой области существуют три эстетические формы, если их разделить по мере выражения утилитарного в эстетической форме или по мере участия реальных форм этой области в образовании эстетической формы. Первая форма создается ассоциацией искусственных вещей с предметами области природы или явлениями общественной жизни, когда к реальной форме этих вещей добавляются формы из других областей, все равно, через использование уже готовых эстетических форм (искусства), натуральным или стилизованным подражанием или еще как-нибудь, например, через случайные ассоциации.

Вторая эстетическая форма создается применением всеобщих элементов форм, когда абстрагированные из реальных форм все тех же искусственных вещей, они вновь прилагаются к ним, но уже обогащенные исторически выработанными ассоциациями и ставшими эстетически значимыми. Подчеркивая и усиливая уже имеющиеся в предмете всеобщие элементы форм, они не только привлекают к ним внимание восприятия, но и, одновременно, сводят их к общезначимости эстетических форм.

Обе указанные эстетические формы носят более или менее пассивный характер (первая — более, вторая — менее), т. к. они связаны с некоторым отстранением — нейтрализацией — утилитарного. Например, рисунки (неважно — из области природы, общественной жизни или орнаменты) на фарфоровом сервизе не только не мешают проявлению утилитарного, но, в конечном счете, способствуют этому, т. к. подчеркивают материал или мастерство, с каким сделана вещь. Тем не менее, эстетическое обладает собственным, независимым от выражения утилитарности, значением. Это происходит потому, что реальная форма предмета в очень ограниченной степени входит в эстетическую, которая образуется за счет дополнительного использования реальных форм других областей. Естественно, что и связь между утилитарным значением и эстетическим здесь весьма поверхностная и восприятие эстетического требует определенного отвлечения от утилитарности. Поэтому при этих двух эстетических формах возможны противоречия между утилитарным и эстетическим, когда они прямо исключают друг друга. Потому же в этих формах эстетическое раскрывается преимущественно в процессе «созерцания» или в лучшем случае «узнавания», но никак не использования — реализации утилитарного.

Третья эстетическая форма в области искусственных вещей, тоже связанная со всеобщими элементами форм, является качественно новым вариантом связи утилитарного и эстетического, хотя и заложенным в виде тенденции в эстетичности всех утилитарных вещей. Постольку, поскольку элементы форм принадлежат искусственным вещам, они могут быть в них так резко выражены, что эстетическое восприятие не нуждается в дополнительных формах из «посторонних» областей для ассоциации: сами реальные формы утилитарных вещей органично, из самих

себя, как бы выталкивают элементы форм. В этом варианте реальная и эстетическая формы совпадают, что чрезвычайно затрудняет эстетическое восприятие искусственных вещей, т. к. восприятию не от чего оттолкнуться, чтобы выделить эстетическое — ситуация, похожая на трудности эстетического восприятия в области природных форм, необходимая для эстетического восприятия дистанция между утилитарным и эстетическим, которая всегда и естественно сохраняется в первых двух формах, здесь практически исчезает. Поэтому эта эстетическая форма предполагает и нуждается в подготовленном эстетическом вкусе и действительно, не касаясь исторической обусловленности возникновения эстетических форм, необходимо признать, что эстетическая форма, совпадающая с реальной формой, принадлежит продуктам современного производства и современному эстетическому вкусу, уже достаточно напрактиковавшемуся, чтобы найти колеблющуюся грань между утилитарным и эстетическим. Впрочем, самым удивительным и замечательным в данной эстетической форме является то, что ее не разрушает самый процесс утилитарного использования. Собственно, так оно и должно быть. Раз эстетическое содержание в области искусственных вещей приспособлено к утилитарности, то процесс реализации утилитарного не только не должен препятствовать проявлению эстетического, но, напротив, способствовать его проявлению и наоборот, эстетическое именно в этом процессе должно найти свое логическое завершение, т. к. именно здесь в конечном счете возникает его истинный смысл — процесс использования дополняет утилитарный смысл вещи, значит, эстетическое должно включать и процесс использования! В этом смысле эстетическая форма совпадающая с реальной формой носит активный характер: она вытекает из существа предмета и поконит на его цельном восприятии.

Совпадение реальной и эстетической форм в области искусственных вещей послужило основой для мнения, что искусство, как самостоятельная форма эстетического, должно исчезнуть, уступив место проявлению эстетического в искусственных вещах, из которых оно в силу ряда исторических причин было вытеснено. Однако это мнение не принимает во внимание, что, во-первых, утилитарность искусства не покрывается утилитарностью искусственных вещей, т. к. последнее не охватывает всех предметов действительности, имеющих эстетическое содержание, т. е. что искусство имеет собственную необходимость и, во-вторых, что только в искусстве возможно то окончательное выделение эстетического, воспитываясь на котором эстетический вкус может отличить в самих утилитарных вещах их эстетическое содержание.

Вывод: 7. В области искусственных вещей при всех случаях эстетическое подчиняется утилитарному и эстетическая форма создается через ассоциации с предметами других областей, а также с помощью всеобщих элементов формы, которые имеют исключительное значение в создании такой эстетической формы, где эстетическое празднует свое появление в самом процессе реализации утилитарного.

Следующей большой областью проявления эстетического является общественная жизнь. Сравнительно легко понять эстетичность природы — она всегда есть объект трудового воздействия. Гораздо труднее понять в чем эстетический смысл общественной жизни, не связанной на первый взгляд непосредственно с процессом труда, где вообще образуется эстетическое содержание действительности.

В процессе трудовой деятельности, человек изменяет не только внешнюю природу, но и свою собственную; это происходит через приспособление организма вообще к процессу труда и, в частности, к орудиям труда¹⁶.

Но еще важнее то, что в ходе этого процесса человек создает вместе с миром искусственных вещей общество, которое и становится его истинной природой: «В то время как животное довольствуется развитием своей природы, человек строит свою»¹⁷.

Приспосабливая все свои поступки, вообще действия, к трудовым процессам, человек создает свой особый мир, еще точнее, особую организацию, которая сохраняет труд как чисто человеческую способность к деятельности, стимулирует развитие этой способности и, само собой разумеется, стимулирует технические достижения.

Однако здесь, вне непосредственного процесса труда эстетическое имеет другое выражение: здесь все постороннее, косвенно относящееся к человеческой сущности, а именно, предметные формы, уступают место прямому человеческому выражению. Поэтому здесь, в области общественной жизни, эстетическое находит свой собственный материал, адекватную себе форму выражения. Все другие формы выражения эстетического — и предметы производства, и предметы и явления природы — по сравнению с областью общественной жизни более или менее символичны. Т. к. материалом теперь является человек, то и форма выражения эстетического является именно в нем, во внешних и внутренних проявлениях его жизни.

Также как природа, общественная жизнь подлежит преобразованию. Целесообразность в отношении этой области заключается в подчинении всей массы общественных действий осознанной цели и исключении из них стихийности. Цель — это познание и использование знания общественных законов для достижения «царства свободы», когда «общественное бытие людей, противостоявшее им до сих пор как навязанное свыше природой и историей, поступает под контроль самого человека» (Энгельс) и когда развитие человеческих сил становится самоцелью (Маркс).

¹⁶ «Овладение орудием заключается в том, что человек усваивает воплощенные в нем двигательные операции. Этот процесс есть одновременно процесс прижития формования у него новых способностей — высших, так называемых психомоторных функций, очеловечивающих его двигательную сферу». (Леонтьев А. Н., Человек и культура, стр. 11, М., 1960).

¹⁷ Ж. Ш а т о, цитируется по Леонтьеву «Человек и культура», стр. 23.

Если эстетичность природы возникает в результате освоения ее человеком, познанием ее законов и т. д., то в области общественной жизни получается нечто аналогичное, только материалом подлежащим обработке через цель и средства на этот раз, является сам человек и его действия — характеры, поступки, общественные явления. Так, каждое общественное явление, каждый поступок может быть узнан как продукт определенного целесообразного действия (процесса труда со всеми присущими ему компонентами), в котором скрывается эстетическое содержание данного явления.

Как и две другие, эта область проявления эстетического имеет свои трудности при восприятии. Если в области природы эстетическая форма исчезает в естественной форме, то в области общественной жизни, напротив, все ее реальные формы принимаются за эстетические, т. к. вообще-то, вся общественная жизнь есть искусственная природа человека.

Таким образом, и в том, и в другом случае результат один: реальная и эстетическая формы не различаются, но только в области природы за счет «исчезновения» эстетической формы в реальной, в области же общественной жизни за счет реальной формы в эстетической. Следовательно, трудность в образовании эстетического в области общественной жизни состоит в необходимости не выдавать за эстетическое неэстетическое, т. е. не отождествлять реальную форму с эстетической. Для преодоления этих трудностей эстетический вкус выработал самые разнообразные средства, среди которых ассоциации с предметами и явлениями других областей (природы и искусственных вещей) — наиболее простые. И в сущности, вся история искусства ничто иное, как нахождение дистанции между реальными формами и эстетическими.

Между тремя перечисленными областями проявления эстетического нет китайской стены. Все они тесно связаны друг с другом. Деление же на три области по мере проявления эстетического в реальной форме предметов и явлений весьма условно, скорее всего речь идет о некотором своеобразии в образовании эстетической формы.

Вывод: 8. Эстетическая форма основывается на реальной форме предметов и явлений действительности, но не тождественна ей: реальная форма всегда изменяется в ней. Смысл этой «операции» заключается в том, чтобы, восстановив процесс создания, вскрыть «конструкцию» предмета или явления, за которым и обнаруживается их внутренняя эстетическая потенция. В конце концов, вопрос об эстетической форме сводится к тому, как использована реальная форма и насколько она изменена.